
Марина Передерий
Наваждение или Русалочья любовь

Марина Передерий

Наваждение или Русалочья любовь

«Автор»
2026

Передерий М.

Наваждение или Русалочья любовь / М. Передерий — «Автор», 2026

Жил себе пасечник Никитка. Мёд собирал, с лесной нечистью договаривался, над суеверными соседями посмеивался. Только одного не предусмотрел он: однажды нечисть может захотеть не угощения, а замуж. Прекрасная русалка избрала Никитку в мужья — как можно противостоять её желанию? К тому же июньская тёплая ночь настраивает на романтический лад.Милая моя нечисть — "народное" название рассказа.Это версия адаптированная под возрастное ограничение 16+Рассказ озвучен Абаддоном.

© Передерий М., 2026
© Автор, 2026

Марина Передерий
Наваждение или Русалочья любовь

Давным-давно в соседнем Николаевском уезде жил пасечник Никита Григорьевич. Однако все в округе величали его запросто — Никиткой. Был он не молод, не стар, не красавец, не урод — так, обычный человек лет сорока от роду, вполне ещё крепкий телом и рассудком. Все его праотцы без исключения занимались пчеловодством, оттого и любовь к пасечному ремеслу закономерно перешла к Никите Григорьевичу. Но так уж сложилась жизнь его, что ни женой, ни детками он не обзавёлся — всё ульями своими занимался, а другим чем-то обеспокоиться ему вроде как и недосуг было.

На все людские пенянья о бессемейном житье-бытье Никитка отвечал одно и то же с неизменной свойственной ему хитринкой:

– Вот тако ж жена, ребятишки — всё они время хочут, как и пчела. А пчела — она взятко́м живёт, и я вместе с ней. И когда мне над семейством хозяйничать? Только зимой, когда ульи спят? Разве ж медок при такой жизни соло́док будет? Да и жизнь сама? Загибнут и пчёлы, и хозяйство от такой житухи.

Соседи глядели на пасечника с сочувствием и непониманием, однако ж мёд, воск и пергу с его пасеки почитали чуть ли не лучшими на свете: не зря даже из других селений к Никитке за ними ездили, и на всяком сезонном торжке пасечник свой товар в первый же день подчистую распродавал; бывало, даже до драки доходило между покупателями! Одним словом, знал Никита Григорьевич своё дело. И оттого люди прощали ему холостяцкое его бытьё.

Конечно, злые языки, в основном другие, менее удачливые пасечники, распускали слухи: дескать Никиткин мёд оттого вкусен и духмян, перга и прополис столь полезны, а воск тугоплавок и не смердяч, что как есть являются сатанинскими порождениями. Не зря ж пасечник дружбу с мельником водит — а этот-то народец, известное дело, со всякой нечистью знается, всякому чёрту руку пожмёт, лишь бы тот исправно лопасти и крылья мельниц на реке и на всхолмьях крутил.

Надо сказать, подобным слухам способствовало и то обстоятельство, что на всё время медосбора, с весны по осень, Никитка вывозил свои ульи за несколько вёрст от села, в места давно ему известного обильного цветения разнотравья, а сам подолгу проживал в обособленном лесном домишке, запасшись впрок провизией и прочими нужными хозяйственными припасами для себя и кобылы, которая исправно возила телегу с колодами-ульями по полям и лесам. Домишко пасечника был не просто жилищем, а ещё и местом, где всё было устроено для добычи мёда, перги, прополиса и воска. И трудился там Никита Григорьевич один за нескольких человек, но никогда не роптал на судьбу, ибо почитал свою работу полезной и нужной для других. Выбирался же пасечник из своего логова только на покосы, а так и вовсе под осень, под торг, где, как и было сказано ранее, за раз сбывал чуть ли не половину произведённого за лето добра. Другую же половину Никита Григорьевич припасал как для выгодного обмена в пустой период с другими промысловыми и прочими полезными людьми, так и для личного пользования.

И как читателю нетрудно догадаться, занятый своею пасекой всё время медосбора пасечник не посещал службы в церкви. Настоятель тамошнего храма, отец Илларион, бывало, пенял нерадивому прихожанину за его христианскую несознательность и всё время рассказывал, какие муки ждут тех недобросовестных христиан, кои не совершают положенных обрядов и не читают заведённых молитв, особливо по светлым праздникам. Однако ж любой внимательный свидетель таких выволочек с лёгкостью бы заметил более напускной, чем серьёзный тон отца Иллариона, ибо тот завсегда имел от Никиты Григорьевича дармовые и мёд, и пергу, и прополис, и, главное, воск. А вдобавок к перечисленному подношению смекалистый пасечник

жертвовал на нужды церкви и кое-какие деньги. И тут уж настоятель, хошь не хошь, вынужден был лишь обещать истово молиться за душу своенравного пасечника, пускай бы и знал наверняка, что тот действительно преподносит в особые дни подаяния всякой лесной нечисти, дабы та не трогала ульи, не смущала пчелиные семьи ненастьями и болезнями, не горчила мёд, не гнилила соты и вообще не пакостила, пока Никита Григорьевич в тех краях на промысле. И судя по всему, дюже ловко получалось у пасечника договариваться с лесными отродьями, раз те за столько лет не побрезговали подношениями, ибо ничто не брало Никиткины улья и не портило качество пчелиного выработка.

Также сельчане поговаривали, что среди прочих подаяний — мёда, табака, соли и кое-какой снеди — пасечник оставлял для лесной нечисти ещё и гро́ши — их-то, известно, и человек, и чёрт любит. Только не просто под куст рублёвики клал, а под некий секретный камень подкладывал, путь до коего только-де бесовская братия и знала. Поручиться за достоверность такого жертвования никто наверняка не мог, однако ж ревностному люду никак не давали покоя накопления — явно немалые! — хозяйственного Никитки. Куда, спрашивается, он их спускал, если по кабакам не веселился, за женским племенем не волочился и вообще к роскошеству был не склонен? Известное дело: только с нечистой силой и мог делиться пасечник прибытком, дабы навья свора множила и берегла его насеку и богатства.

Впрочем, часть гро́шей — это знали все — Никита Григорьевич отдавал своей вдовой тётке-солдатке, Феодоре Ивановне, взрастившей племянника едва ли не с младенчества заместо сгинувших некогда в половодье отца и матери. Феодора Ивановна была женщиной некрасивой, сварливой, но при этом дюже хозяйственной. Она беззаветно любила племянника, коего называла исключительно ро́дным сыном. И в том числе из-за этой её безмерной любви Никита Григорьевич всякий раз ждал и не мог дождаться очередной поры медосбора, чтобы хоть на несколько месяцев укрыться от Феодоры Ивановны в лесной тиши. Собственно, и Никиткой-то, а не Никитой Григорьевичем, как полагалось к его годам, пасечник прозывался именно из-за тётки, потому как та никак иначе к племяннику и не обращалась, зато перед людьми, наоборот, барственно повелевала всем обращаться к Никите Григорьевичу только по имени-отчеству и очень гневалась из-за простецкого к нему обращения. Соседи подозревали, что и холостяком пасечник оставался тоже из-за суетливой родственницы — какая женщина вынесет проживание с Феодорой Ивановной под одной крышей, ведь та наверняка ни за какие калачи не захочет съехать даже в новую избу от обожаемого племянника и его прибытка. Тех же девушек, кого приводила на смотрины сама тётка, Никита Григорьевич и мыслить в своих жёнах боялся — столь они походили норовом и статью на саму тётку.

Как бы то ни было, а вопрос утаённых Никиткиных гро́шей то и дело беспокоил умы сельчан, и они раз за разом самозабвенно сочиняли самые невероятные и страшные истории, одна немыслимей другой, усомниться в достоверности которых считалось чуть ли не святотатством.

Никита Григорьевич знал о тех сплетнях и всякий раз ради необъяснимой потехи нет-нет да и словно невзначай вворачивал на людях такое:

— Кажись, вто́рок сегодня? Тако ж как есть, в воскресенье после полудня у водяного с водяни́хой старший сын женится. Весь лес гудеть и скрипеть будет! Надо б какой-никакой подарочек им снести. Глядишь, и обойдёт их веселье хрещёных людей.

И ведь как в воду всякий раз глядел! В назначенное воскресенье посреди ясного дня как разгуливалась, как начинала гудеть природа: река в момент серела и раздувалась, ветер принимался раскачивать и винтить лес — свист, скрежет, стоны… Жуть и кошмар! Народ православный знай лишь успевал креститься да молиться, чтоб только приняли водяные свадебное подношения пасечника и чтоб до домов то праздничное гульбище не докатилось.

Ох и ругался, ох и выговаривал отец Илларион и Никите Григорьевичу, и его тётке за такое смущение людских умов! И всякий раз бросалась Феодора Ивановна на колени, набожно

вздымала в мольбах руки и целовала подол рясы настоятеля, упрашивая того не накладывать на сорванца-племянника епитимью, мол, над своими обидчиками тот без злобы подшучивает и всего-навсего погоду вдолгую читать умеет. И отец Илларион важно складывал в крендель руки на груди и неизменно внимал мольбам вдовы, разумеется, принимая от неё между делом и какое-нибудь полезное подношение. А Феодора Ивановна после такой расплаты шла домой в униженном состоянии духа, скаредно пересчитывала добро, пострадавшее от очередной шутливой выходки племянника, и принималась поминать имена покойной сестры и её мужа, оставивших на её вдовью сиротскую голову столь жестокосердное и бессовестное дитя. Тётка грозила Никите Григорьевичу и скорой своей кончиной, вина за которую будет лежать именно на нём, потому как ни одно христианское сердце, даже самое милосердное и смиренное, не способно перенести того позора, на какой обрекает бессовестный Никитка свою дражайшую тётушку. Мало ей бездетного и холостяцкого его бытия, так ещё и слава родственницы колдуна теперь над ней нависла? Как людям в глаза-то смотреть? Как в церковь или на торг ходить с таким прозванием?!

А Никите Григорьевичу что? Да как с гуся вода! Как шутковал, так и продолжал шутковать над суеверными и болтливыми соседями. Всё ему веселье было.

И вот однажды, как раз после святой Троицы, отговорившись какой-то своей бабьей надобностью, Феодора Ивановна укатила на попутной телеге в соседнее село, сообщив, что пробудет там не менее трёх дней. Никита Григорьевич догадывался, что тётке понадобился земский доктор, практиковавший и квартировавший в том же селе, однако лишних вопросов задавать не стал. Собственно, и не до тётки было в то время пасечнику: он точно знал, что не сегодня-завтра округу накроет изрядное ненастье, и значит, к тому сроку ульи должны быть собраны, перевезены под навес лесного жилища и накрепко упрочены, чтобы не завалились, не поломались и не подавили пчелиные семьи во время бури.

К немалому удивлению Никиты Григорьевича, он сумел управиться с делом в первые же утро и день — тут волей-неволей поверишь, что лесные жители помогают своему исправному дарителю: а кто, как не они, задержали на целый день хмарью пчёл в ульях, разгладили дорогу под копытами кобылы и колёсами телеги, не оборвали по дороге соты и постоянно обдували воз попутным прохладным ветерком? Воодушевлённый скорым результатом Никита Григорьевич, не откладывая до завтра, сразу же основательно утвердил телегу под навесом, обложил её брёвнами и рублеными ветками и для надёжности и мягкости ещё плотнее проложил между ульями скошенной травой. И вновь так ловко и справно всё получалось, как на диво, будто и впрямь подсоблял кто. Пасечник поприкинул: вроде казалось ему на всём протяжении дня, точно кто-то посматривает со стороны, сопровождает его. Зверь так пристально и долго не выслеживает, а человеку и незачем: что взять с Никитки в лесу? А вот кто-то из навьего сонмища вполне мог мимоходом подколдовывать в подмогу.

Вот начало смеркаться. Небо распогодилось, разгладилось. Воздух заметно потеплел.

После столь успешного дня и спорого разрешения обычно долгого дела Никита Григорьевич решил, что недурно было б ему и ополоснуться в речке. Он загнал кобылу в отведённую под стойло часть домишка — мало ли всё же дикий зверь приглядывался к его роди́мице — и отправился на реку к известному мелководью.

Луна скатной жемчужиной уже переливалась с бархатно-синих июньских высот, звёзды самоцветно блистали, казалось, и сверху, и со дна реки. Воздух дышал сладостью любовного корня, ландыша и прелостью подцветшей воды. Едва ощутимый ветерок чуть тревожил молодой камыш; в его зарослях нет-нет да и слышалось ворчание уток и ответное попискивание выводков. Рыба плескалась и играла в воде; лягушачьи рулады дребезжали, переливались и доносились, казалось, отовсюду. То и дело по лесной крепи прокатывались вздохи совы; где-то на противоположном берегу, в кудрях серебристых ив, только-только распевался соловей, заявляя соперникам свои права на отдельную часть леса. Там и тут в высокой траве бродили

не то мелкие ночные звери, не то луговики с луговúцами; иногда среди стеблей нет-нет да поблескивали белым или красным то ли чьи-то глаза, то ли огоньки от светильников лешичей.

Невдалеке, словно подчёркивая торжественность восхитительной ночи, подпирал небо щербатый фронтон заброшенного барского дома. Некогда прекрасный песочно-белый особняк в два этажа с колоннами и переходами за полвека успел растерять былую статность, цвет и оконные стёкла и потому выглядел как беззубый, полуистлевший мертвец, вперивший в мир пустые глазницы. Сад вокруг него давно разросся и укрыл массивное тулово прежде пышного здания в спутанных лохмах одичавших яблонь и вишен. Честнóй люд не ходил к заброшенной усадьбе, да и не было там уже давно ничего, что бы рачительный хозяин мог приспособить для своего быта. А так туда шататься — шиш с маслом! Лишь ребята да девчата, хвалясь и проверяя свою удаль, развлекались походами в тот дом. Однако ж многие из них потом признавались, что место то, ей-богу, нечистое. Даже развесистый сад — и тот пугал незваных гостей смутными вздохами и скрипами почище полуночной тишины погоста. А кто-то из смельчаков рассказывал, будто видел в том саду, как сорока и чёрная кошка вроде бы разговаривали о чём-то под кривым деревом и даже ударили по лапам — знать, то оборóтницы-колдóвки сговорились о худом деле!

Вот такое есть место на земле Божьей. И не просто так хрещёны люди его дурным прозвали и стороной обходят — есть за что.

Купаться ночью даже на мелководье Никита Григорьевич благоразумно опасался — всякая нечисть водилась в здешних краях, встречалась и недружелюбная, а то и вовсе пришлая из других уездов. Куда уж тут впотьмах в воду лезть! Поди узнай загодя, кто на этот раз проплывёт мимо тебя: свой, привеченный хлебом-солью водяной или какая-нибудь заблудившаяся и оттого злая морочиха?

Вот и теперь почти у самой поверхности реки проскользило под водой что-то длинное и мерцающее. Положим, то могла быть и обычная щука — водились тут в речке особо крупные рыбины, коих и старший сын мельника — детина дородный и могучий — не смог бы запросто вытянуть в одиночку. Однако ж Никитка нутром чувствовал, что не щука то была, а кто-то из лесной навьей братии. Да хоть бы и обычная русалка — с избытком их тут водится, много девок в прежние годы перетопилось из-за несчастной любви. И, к слову, именно с той заброшенной усадьбой и связывает старый люд обилие мавок в здешних краях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.